

Научная статья
УДК 394.011
doi: 10.17223/19988613/98/19

Отношения православных и мусульман в Тюменской области и Москве: общие тренды и местная специфика (по материалам глубинных интервью)

Азат Корбангалиевич Идиатуллов

Ульяновский государственный педагогический университет им. И.Н. Ульянова, Ульяновск, Россия, AzKoIdiat@yandex.ru

Аннотация. Анализируются отношения православных и мусульман в Тюменской области и Москве. Эмпирическую базу исследования составили материалы глубинного опроса, проведенного методом полуструктурированного интервью в 2022 г. Материалы интервью показывают, что между опрошенными отсутствуют ярко выраженные конфликты на религиозной почве. С другой стороны, сделан вывод, что сближение мусульман и православных христиан в рамках межконфессионального диалога даже в поликультурном регионе имеет очевидные пределы, носит в ряде случаев ситуативный характер, что связано со спецификой учений и традиций обеих религий.

Ключевые слова: православные христиане, мусульмане, Тюменская область, Москва, конфликты, отношение

Благодарности: Результаты получены при поддержке гранта Президента РФ, проект МД-2585-2021-2 «Взаимодействие христиан и мусульман России в условиях социокультурных угроз современного мира: от коммуникации организаций до синкретизма религиозного сознания».

Для цитирования: Идиатуллов А.К. Отношения православных и мусульман в Тюменской области и Москве: общие тренды и местная специфика (по материалам глубинных интервью) // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 98. С. 158–167. doi: 10.17223/19988613/98/19

Original article

Relations between Orthodox and Muslims in the Tyumen region and Moscow: general trends and local specifics (based on in-depth interviews)

Azat K. Idiatullov

Ulyanovsk State University of Education, Ulyanovsk, Russian Federation, AzKoIdiat@yandex.ru

Abstract. The purpose of this article is to analyze the relationship between Orthodox and Muslims in the multicultural regions of Russia - the Tyumen region and Moscow. The empirical basis of the study was the materials of an in-depth survey (face-to-face), conducted by the method of a semi-formalized interview in 2022. The number of interviewed respondents was 30 people. The choice of the Tyumen region and Moscow as the territorial framework of the study was determined by the ethnic and confessional specifics of these regions, which differ from each other both in the proportion of Muslims and Orthodox, and in national composition. An analysis of the interviews shows that there are no pronounced conflicts related to religious reasons between the interviewed Orthodox and Muslims. Some respondents, especially the Muslim clergy, emphasized the similarity and even commonality of the moral component of the creeds of both religions, while others, mostly Orthodox clergy, specified the boundaries of the dialogue, the groundlessness of theological discussions, the normality of the daily isolation of religious groups. Muslim religious leaders look at the possibility of a theological dialogue a little more broadly and pin certain hopes on it, while there is no such unity among Orthodox priests and rather the view that such a dialogue is not timely and even dangerous prevails. In the extreme case, the interaction of Orthodox Christians and Muslims leads to a change in confessional affiliation. According to the respondents, Muslims and Orthodox Christians could cooperate in solving such common problems as the moral education of youth, charity (most often examples were given of the situation during the pandemic, as well as assistance to the mobilized - members of the NWO in Ukraine), popularization of family traditional values, interfaith dialogue, fight against terrorism and extremism. Among the factors destabilizing relations, the respondents, as a rule, indicated interethnic conflicts, the manipulation of religious feelings, radical representatives of both faiths, and immigration of Muslims from other regions. In addition, the study showed that the rapprochement of Muslims and Orthodox Christians within the framework of interfaith dialogue even in a multicultural region, has obvious limits, is in some cases situational in nature, which is associated with the specifics of the teachings and traditions of both religions.

Keywords: Orthodox Christians, Muslims, Tyumen region, Moscow, conflicts, attitude

Acknowledgements: The results were obtained in the framework of the grant of President of the Russian Federation, project MD-2585-2021-2 “Interaction between Christians and Muslims in Russia in the context of sociocultural threats in the modern world: from communication of organizations to the syncretism of religious consciousness.”

For citation: Idiatullov, A.K. (2025) Relations between Orthodox and Muslims in the Tyumen region and Moscow: general trends and local specifics (based on in-depth interviews). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 98. pp. 158–167. doi: 10.17223/19988613/98/19

Введение

Взаимодействие православных христиан и мусульман – одно из главных направлений социально-гуманитарных исследований отечественной науки. Ряд ученых отмечают, что в современных российских условиях возможно сближение верующих мусульман и христиан по принципу противостояния секулярным и условным западным ценностям [1; 2. С. 91]. Этой же точки зрения придерживаются и другие авторы, считающие, что христианство и ислам являются базисом для цивилизационного синтеза, в рамках которого множество разных локальных культур объединились «вокруг фундаментальных духовных ценностей» [3. С. 224; 4. С. 67; 5. С. 111]. Обозначенное ими противостояние между традиционными, в том числе исламскими и христианскими, и неолиберальными ценностями получило в зарубежной литературе название постсекулярных конфликтов [6]. Более сдержанно оценивают перспективы данных отношений авторы, изучавшие восприятие ислама в клерикальных кругах РПЦ. Подчеркивая интерес священноначалия к исламской проблематике [7. С. 89], исследователи тем не менее отмечают, что высшие иерархи РПЦ зачастую сознательно не обсуждают в публичном пространстве различия двух религий, фокусируясь больше на морально-нравственных сторонах мусульманско-православных взаимоотношений. Православные священники и в целом РПЦ, считая своим приоритетом межконфессиональный мир и активно борясь с радикалами в собственных рядах, чаще ограничиваются «политкорректными» указаниями на «общие корни» и общие цели в борьбе за нравственность и духовность [8. С. 234]. Иногда, напротив, встречается более оптимистичная точка зрения, согласно которой взаимодействие ислама и христианства в некоторых субъектах Российской Федерации, например в Татарстане, можно рассматривать не только в контексте диалога, толерантности, но и в рамках взаимного культурного взаимообогащения, симбиоза [9].

Очевидно, что данные выводы и наблюдения, в целом справедливые, не учитывают того обстоятельства, что ислам и православное христианство полицентричны, хотя и в разной степени. Течения, общины и прочие ветви внутри данных социокультурных систем всегда будут своеобразным камнем преткновения на пути объективного диалога [10]. Например, З. Абдулагатов считает, что отношение к отдельным проблемам может как объединить, так и дистанцировать людей даже в пределах одного вероучения, не говоря уже о христианах и мусульманах [11. С. 152]. Кроме того, внешнее, а подчас и декларативное, единство двух религий зачастую осложнено сетевым характером коммуникаций, которые реализуются не только между разными течениями внутри конфессий (в том числе радикальными), но и на разных уровнях (межличностном и институциональном), мотивируются разными причинами (сходство и различие культуры и мировоз-

зрения, консенсус и соперничество), осуществляются с помощью разных практик (формальных и неформальных). Все это, по мнению, исследователей, создает изменчивую и потенциально нестабильную ситуацию в ряде регионов России [12]. В этой связи подчеркнем условный характер «толерантных отношений» в контексте межконфессиональных коммуникаций: сегодняшняя в целом позитивная установка в отношении между православием и исламом в России не означает, что она останется таковой в ближайшей или тем более в отдаленной перспективе или была таковой в недавнем прошлом. Поэтому оценка взаимодействия между православием и исламом не может быть сведена лишь к диагностике состояния отношений в параметрах толерантности или интолерантности. Важно изучить возможные перспективы и наиболее важные ретроспективы этих отношений в динамике, учитывать их содержательную и ситуативную стороны: направления и сферы сотрудничества и факторы, которые могут привести к конфликтам.

Исследователи также справедливо подчеркивают, что сами религии в России еще находятся в известном смысле на стадии становления, не в полной мере оправившись от антирелигиозной политики времен СССР, что априори добавляет к процессу межконфессионального взаимодействия элемент стихийности и неоднозначности [13. С. 112]. Действительно, мусульманам и православным в России еще только предстоит определить свое отношение к некоторым вопросам [14. С. 56], в том числе к самому факту межрелигиозного взаимодействия.

Интересно, что ряд ученых видят перспективы диалога между конфессиями только в контексте политической значимости, выдвигая в качестве инициатора, организатора и активного участника коммуникации власть, государство [15]. Думается, что такой подход оправдан лишь отчасти, уместен в рамках коммуникации религиозных институтов и не учитывает положительный опыт межконфессионального взаимодействия в отдельных регионах России, например в Поволжье, на Северном Кавказе, в Сибири [16; 17; 18. С. 66–67]. Местные культуры неоднократно демонстрировали поразительную терпимость к религиозным воззрениям друг друга независимо от уровня и характера политического влияния. Более того, в смешанных по национальному и конфессиональному признаку населенных пунктах наблюдается взаимная адаптация представителей христианства и ислама друг к другу. Подобные сюжеты вокруг христианско-мусульманского взаимодействия дают основание полагать, что существуют региональные и узколокальные варианты коммуникаций как на уровне общин, так и на уровне межличностных отношений, что чрезвычайно важно учитывать в такой разнообразной стране, как Россия. Действительно, отношения, воспринимаемые как межконфессиональные, могут быть на самом деле обусловлены этническим фактором. Например, православные

респонденты Тюменской области могут оценивать не столько свое отношение к исламу вообще, сколько к «сибирскому» его варианту, а московские респонденты, весьма вероятно, учтут в своих ответах фактор миграции.

Таким образом, наше исследование, посвященное отношениям православных и мусульман, следует считать важным и актуальным в первую очередь в связи с его региональным характером. Выбор Тюменской области и Москвы в качестве территориальных рамок исследования определялся этнической и конфессиональной спецификой данных регионов. Так, в Тюменской области фиксируется крайне низкий удельный вес (29%) исповедующих православие и принадлежащих РПЦ и заметная доля (4%) исповедующих ислам (при этом не считающих себя ни шиитами, ни суннитами) [19]. Доля татар – самого многочисленного «мусульманского» этноса в регионе – 7,4%. Для сравнения: для России в целом удельный вес прихожан РПЦ оказался намного больше – 41% [19]. Еще больше прихожан РПЦ зафиксировано в Москве (53%) [19]. Таким образом, низкая доля прихожан РПЦ при заметной доле этнических мусульман – характерная черта этноконфессионального состава Тюменской области. Несколько отличаются анализируемые регионы и по этническому составу. Доля русских Москве значительно больше, чем в Тюменской области – 84,8% (в Тюменской области – 71,6%). Второй по численности этнос представлен в сибирском регионе по большей части сибирскими татарами, в то время как в Москве, очевидно, преобладают группы поволжских татар. Наконец, для Москвы характерна крайне низкая доля татар (1,6%) и мусульман (1% не отнесших себя ни к суннитам, ни к шиитам) [19]. Можно предположить, что этноконфессиональная специфика регионов найдет свое отражение в позиции респондентов по вопросам межрелигиозного взаимодействия. С другой стороны, все регионы в силу их поликультурности, а также отсутствия жесткой детерминированности между религией и этносом, по всей вероятности, не будут лишены и некоторых общих тенденций в рамках православно-мусульманских коммуникаций, выяснение которых также является предметом нашего исследования.

Методы исследования

Анализ исследований показал, что отношения православных и мусульман в пределах поликультурных регионов представляют собой, по всей видимости, комплексную познавательную конструкцию, включающую:

1) общую установку к коммуникациям между православным христианством и исламом, которая зачастую опирается в случае православных респондентов на догматические основы православного христианства и официальную позицию РПЦ к межконфессиональному диалогу, а в случае мусульманских респондентов – на коранические «заповеди» о людях Писания или Книги (т.е. иудеях и христианах);

2) оценку отношений между исламом и православием, сложившихся в конкретном регионе на уровне

религиозных и нерелигиозных институтов (епархий, духовных управлений, неформальных мусульманских организаций, региональной власти, образовательных организаций) и межличностных отношений (между священниками и имамами, священниками и практикующими мусульманами, между рядовыми, в том числе номинальными, мусульманами и православными);

3) оценку перспектив сотрудничества между православными христианами и мусульманами на уровне региона;

4) оценку факторов, способствующих возможной напряженности между двумя религиями;

5) оценку межконфессиональных браков как возможного фактора дестабилизации отношений между православием и исламом.

Поэтому в число задач исследования входили:

1) выявление состояния межконфессиональных отношений в регионах в контексте понятий конфликтности, сотрудничества на межличностном, межгрупповом и институциональном уровнях;

2) определение основных направлений, тем и проблем, которые объединяют или могут объединить в ближайшей и отдаленной перспективе православных и мусульман изученных регионов;

3) выявление основных инициаторов межрелигиозного диалога в регионах;

4) определение основных факторов, способствующих, в том числе в ближайшей и отдаленной перспективе, возможным конфликтам на религиозной почве;

5) выявление отношения респондентов к межконфессиональным бракам как на уровне догматики и официальной позиции религиозных институтов, так и на уровне межличностного общения и личного опыта.

Для того, чтобы выявить характер отношений друг к другу, сложившихся среди православных и мусульман, в 2022 г. автором статьи был проведен глубинный опрос (face-to-face) методом полуструктурированного интервью респондентов Москвы и Тюменской области. Численность опрошенных составила 30 человек (по 15 человек в каждом регионе). В каждом регионе опрашивались эксперты в области религии и межконфессиональных отношений, представители православного и мусульманского духовенства и рядовые верующие обеих религий (в том числе не практикующие). Отбор респондентов производился с помощью метода снежного кома. Религиозная и этническая принадлежность определялась исходя из самоидентификации интервьюируемых. Формирование выборки начиналось с выбора ведущих экспертов (этнологов, религиоведов), которые являются заметными специалистами в области исследования религиозной ситуации в регионе, затем с их помощью формировалась выборка представителей духовенства, которые, в свою очередь, называли фамилии и координаты рядовых верующих.

Обсуждение результатов

Характеризуя в целом отношения православных христиан и мусульман, большинство респондентов (представители духовенства, рядовые верующие и эксперты) всех изученных регионов либо говорили о пол-

ном отсутствии конфликтов между ними как на религиозной, так и на бытовой почве, либо подчеркивали их эпизодический характер.

«Я, например, *не наблюдаю никакой фобии, никакой такой напряженности*, вот, в отношениях среди своих прихожан <...> Часто бывают и другие истории. Когда наши прихожане – молодые люди, в том числе женщины, тоже попадают на такси, часто спешат на наше воскресное богослужение. И вот тогда они попадают часто в такси, где сейчас в Москве часто работают ребята из восточных стран, Средней Азии, и они все мусульмане. И тогда *они начинают такое миссионерство*. И они *выходят из рамок* и начинают убеждать, что вот только ислам – истинная вера. *Проявляются какие-то такие диспуты*. Наше прихожане *вполне доброжелательны...*» (62 года, русский, православный священник, Москва).

С другой стороны, заметно, что в изученных регионах наблюдается некоторое дистанцирование православных христиан от мусульман. Очевидно, что для мусульман, в частности для исламских религиозных деятелей, хотя бы на уровне декларирования и внешней позиции межкультурный диалог имеет гораздо большее значение:

«Ну, насколько, я вижу, насколько я знаю, *неплохо общаются*, как и везде. Мы же многоконфессиональная страна, поэтому *проблем никаких нету абсолютно*. Если говорить в общем, я тебе говорю, в частности, про нашу деятельность, то мы как Духовное управление мусульман, мы на любые наши праздники, будь то Курбан-байрам, Ураза-байрам, Мавлид, вот еще какие-то другие, *поверьте, приглашаем всегда раввина, протестантского священника, католического, православного, то есть все три ветви основные христианской конфессии приглашаем и иудеев*. Ну если бы были другие, других бы тоже, наверное, приглашали, а так, какие есть, таких и приглашаем. И сами... Вот недавно я был, и до этого, бывало, приглашали меня на юбилей, мероприятия разные протестанты, к примеру, вот. У них в церквях я постоянно читаю Коран, могу даже скинуть видео, если есть какая-то в этом потребность. Буквально недавно я был, на днях, тридцатилетие церкви там отмечали» (47 лет, татарин, имам, Тюмень).

Тем не менее имеет место и недопонимание между представителями данных конфессиональных групп. В анализируемых интервью зафиксировано несколько таких случаев. Однако не всегда они детерминированы конфессиональными различиями, а связаны, например, с процессами национального возрождения, межнациональными отношениями, общей нестабильной социально-экономической и политической ситуацией в стране в 90-е гг. XX в., а также с позицией отдельных представителей верующих и духовенства, не получивших широкой поддержки и сочувствия. Нередко такие конфликты вызваны протестами жителей против строительства или восстановления мечетей:

«Ну вот события прошлого, этого года. Мусульмане у нас просят: “Возродим мечеть. Старую, дореволюционную”. Значит, *местные власти против. И православные жители окрестности возражают*, против этого. Хотя я считаю, что вообще вернуть здание

мечети важно. Во-первых, это памятник архитектуры регионального значения, вернее, объект регионального значения. Плюс – он связан с нашими историческими личностями уже всероссийского масштаба, такими как Хамит Ярми – известный лингвист. Значит, он начал здесь, из семьи потомственных служителей культа. Потом это здание сооружено за счет средств, которые выделял наш известный просветитель, предприниматель, купец. То есть все говорит “за”, но настроение *православных прихожан, живущих вокруг этого здания мечети, плохое, отвратительное*. И когда проходило несколько обсуждений, собрания, представители мусульман говорили: “Вот к нам такое предвзятое отношение, им можно, а нам нельзя”. *Ну что, существует такое, да*» (67 лет, русский, эксперт, Тюмень).

Отдельные ситуации, описанные экспертами, очевидно, совсем не имеют религиозной подоплеки, но в силу тесной связи этнического и национального самосознания у отдельных народов, например у сибирских татар, могут быть восприняты как межкультурно-конфессиональные:

«Ну, на бытовом уровне у каждого народа есть представители такие, что, прямо скажем, *тут уже недостаток культуры просто*. Могу сказать, что, наверное, *в последнее десятилетие этого меньше стало*, а вот в 60–70-х годах <...> не разрешали даже в автобусах разговаривать, если две старушки начали говорить на [сибирско-татарском] языке, то *русские могли их остановить*, сейчас такого, конечно же, нет, это еще в 80-х годах было <...> *лет 10 назад они сталкивались* с тем, что не совсем принято было говорить на своем языке в общественных местах, *прямо одергивали*. И в автобусах, и в школе такие примеры, конечно же, случаи были» (51 год, татарка, эксперт, Тобольск).

Еще один вопрос, по которому у мусульман и православных, в основном религиозных деятелей, нет согласия, – это необходимость богословского диалога. Мусульманские религиозные деятели смотрят на него в основном чуть шире и возлагают на него определенные надежды, в то время как среди православных священников такого единства нет и, скорее, преобладает точка зрения, что такой диалог несвоевременен. В оценках такого диалога отдельными представителями православного духовенства заметны высокомерные коннотации:

«*Мне не кажется это сколько-нибудь перспективным*. Мне кажется, для любого такого богословского диалога должна быть какая-то цель. Или эта цель действительно апологетическая, т.е. доказательство, условно говоря, преимущество одной конфессии над другой, или эта цель, так скажем, экуменическая, т.е. сближение тех или иных конфессий, но не просто сближение, т.е. преодоление каких-то барьеров и тому подобное, понятное дело, мусульмане и христиане общаются и друг с другом, и не режут друг друга. Но никакого, так сказать, *экуменического общения между православными и мусульманами быть не может* <...> Кроме того, у христианской традиции, как западной, так и в последнее время православной, традиции именно научного богословия достаточно проработаны, т.е. существует и наука библеистика, которая изучает Библию

с научной точки зрения, историю церкви очень глубоко. Но, насколько я понимаю, если вышло уже 27 критических изданий по Новому Завету, то ни одного критического издания Корана мне неизвестно. Неизвестно потому, что их нет, не существует. Коран не следует науке, может быть, я ошибаюсь, но кажется, что нет. *Богословский уровень ислама находится все-таки на ином уровне, чем христианское богословие. Так сказать, на средневековом уровне объяснять, чья вера лучше – это все-таки неактуально сейчас*» (43 года, русский, православный священник, Москва).

«Само пространство богословского диалога, оно возможно тогда, когда ожидается некоторый результат диалога, понимаете? <...> А вот, допустим, цель православно-мусульманского диалога, богословского именно, я не говорю о светских мероприятиях, понимаете, а именно богословского дела... она мне кажется *довольно-таки странной* <...> Христиане и мусульмане живут уже бок о бок 1,5 тысячи лет, и времени, чтобы проверить свое мнение, было достаточно, понимаете? То есть сами по себе такие богословские собеседования, *я не вижу в них никакого такого смысла*» (50 лет, русский, православный священник, Тобольск).

Большинство проинтервьюированных православных священников также выражали несогласие с точкой зрения отдельных священнослужителей, иногда самого высокого уровня, в том, что православие в России ближе российский ислам, чем западные церкви (католичество и протестантизм), но допускали, что у подобного мнения могут быть свои основания: общность истории, сходный менталитет, близкое понимание важности традиционных ценностей:

«Ну конечно, я думаю, что здесь речь идет *не о том, что там ислам и православие ближе как конфессия*. А о том, что *некое консервативное сознание верующих, оно является какой-то некой общностью, именно консервативное сознание* <...> Потому что *православие – оно как раз-таки более консервативно по своей структуре. Именно по исторической структуре. Консервативен и ислам. Очень консервативная религия*. В этом смысле консервативное сознание, но близко, но по религиозным каким-то вещам, конечно, нет. Конечно, западное христианство – католицизм в том числе. Очень близкие православию в том числе» (62 года, русский, православный священник, Москва).

«Я как религиовед с этим не согласен, но если бы я был большим историком, чем религиоведом, я бы находил в этих утверждениях больше справедливости. С точки зрения религиоведения мне христианство в любых изводах ближе, чем любая другая религия, не признающая веру Святой Троицы и божественности Иисуса Христа. С другой стороны, я отлично понимаю, что есть другие критерии сравнения тех или иных явлений, тех или иных общностей, но и с точки зрения общего исторического пути, *возможно, между христианством и исламом есть какая-то общность. Например, Россия действительно представляет собой пространство такого абсолютно уникального сосуществования христианства и ислама, наблюдаю с огромным удовольствием*» (43 года, православный священник, Москва).

Направления сотрудничества между православными христианами и мусульманами являются важной характеристикой, от нее во многом зависят широта коммуникаций между ними и качество восприятия друг друга. Опрошенные респонденты в качестве таких «общих тем» и проблем назвали нравственное и религиозное воспитание молодежи, поддержку российских военнослужащих на Украине, межконфессиональный диалог, противостояние политическим спекуляциям, борьбу с терроризмом и экстремизмом. Еще раз подчеркнем, что мусульмане, особенно представители духовенства, зачастую упоминали о большем числе направлений сотрудничества, чем православные священники:

«*Сотрудничать можно во всех направлениях. Мы сотрудничаем во всех*, начиная там, не знаю там от гуманитарных проектов. *Сегодня по специальной военной операции на Украине, по образовательной теме*. Я считаю, что, конечно же, самый большой вопрос – это *по работе с молодежью*, и проблема в том, что ведь у нас в муфтиятах тоже нет молодежных направлений, ну нету их. Мы хотим там организовать работу <...> *Должна быть системная прямая работа, везде по стране охват должен быть*, вот это очень важно, такая работа. Потом вообще-то *вопросы основы преемственности истории* очень важны, тем более здесь тоже *не должно быть противопоставления ни общей истории, ни вот нас как народов разных*. Вот тоже в эти игры играть, там вот тоже нежелательно, это, конечно, такие дешевые дивиденды многие у нас любят, политики там играть на этом. По мне, это непозволительная роскошь, у нас нельзя такого сделать <...> Я чувствую, что *вот есть востребованность в простом разъяснении христианско-мусульманских взаимоотношений*, вот в чем они заключаются <...> А вот с точки зрения академического подхода, научного подхода, согласно источникам, *написать любую такую декларацию по взаимоотношению христиан с мусульманами, например в России, я думаю, это давно нагретая тема*» (46 лет, татарин, имам, Москва).

«Ну, скажем так, когда известные *террористические акты были, 2004 года, все консолидировано выступили против, значит, и представители... у нас три исламских структуры, то есть духовных управления... ну, одна – епархия Русской православной церкви... то есть, они консолидировано*. Ну так же, как сейчас, *когда операция на Украине, и совместно окормляют приезжающих к нам не только из Тюменской области мобилизованных, но и из Пермского края*. То есть они специально туда выезжают, совершают специальные обряды, в том числе бракосочетания мобилизованных с девушками, которые приезжают. То есть здесь есть, скажем так, понимание: *общероссийские ценности, общероссийская цивилизация и особенности, встроенные в эту общероссийскую цивилизацию. Вот эти православная и исламская культуры*» (67 лет, русский, эксперт, Тюмень).

Из представителей православного духовенства лишь один высказался за полноценное, разностороннее сотрудничество:

«<...> *Это нам нужно, очень всем, и, соответственно, сферы, конечно, прежде всего гуманитарная взаи-*

помощь, ну возьмем сейчас, грубо говоря, гуманитарную катастрофу на Украине, и в этом направлении сейчас много там трудятся христиане православные, собираются мусульмане отдельно, вот, к сожалению, например, можно это было бы делать совместно для укрепления нашего сотрудничества <...> Мы на защите интересов и безопасности России, нас очень легко, это как раз одна из тех функций, которая должна и может объединять христиан и мусульман, но скажу, что для большинства граждан, это, конечно гуманитарная-культурная сфера, гуманитарная-культурная сфера медицинского обслуживания, культурного взаимодействия, здесь широкое, широкое поле, ну просто, по моим наблюдениям, оно совсем не пахано, можно и главное нужно трудиться, реализовывать проекты...» (42 года, русский, иеромонах, Москва).

Чаще всего проинтервьюированные представители духовенства и верующие встречаются с друг с другом на мероприятиях светского характера, организованных местной епархией, органами региональной власти, образовательными учреждениями, исламскими религиозными организациями. При этом сами контакты не носят регулярного характера и ограничены достаточно узким кругом лиц религиозных деятелей:

«Единственное пространство, в котором они встречаются оно, так сказать, священнослужителей, это пространство каких-то общественно значимых мероприятий. То есть какие-то там, допустим, ну конференции там совместные бывают, общего характера, допустим духовно-нравственного, гражданского, патриотического, какие-то дни памяти там, допустим 9-е мая или еще какой-нибудь такой день, то есть это чисто гражданские мероприятия, на которых реально, так сказать, чаще всего представители мусульманского духовенства и православного где-то соприкасаются, встречаются» (50 лет, русский, православный священник, Тобольск).

«Мне кажется они (контакты. – А.И.) очень ограничены. Вот, то они ограничиваются просто специфическими мероприятиями или конференциями, так совместными круглыми столами, заседаниями в общественной палате, время от времени проводятся какие-то спортивные мероприятия, вот, но опять же, на мой взгляд, это очень ограничено, и круг людей, которые этим занимаются, и чаще всего это именно те, которые поставлены на это. Вот поэтому о каком-то широком взаимодействии в Москве в отличие, может быть, от Татарстана или Башкортостана, или где-то таких регионов, где совместное проживание мусульман веками наблюдалось, то в Москве это как раз такая новая реальность» (42 года, русский, иеромонах, Москва).

С другой стороны, представление ряда исследователей о том, что инициатива диалога между РПЦ и мусульманами принадлежит исключительно региональной или государственной власти, или имеет исключительно политическую или символическую подоплеку, подтверждается материалами данного исследования далеко не всегда. Православные и мусульмане нередко сами приглашают друг друга на мероприятия, а также оказывают поддержку в бытовых вопросах. Свиде-

тельства взаимной поддержки встречаются в ответах не только духовенства, но и экспертов и рядовых верующих, хотя и реже, чем, например, в Поволжье [20]. В ряде случаев подобная поддержка выходит за рамки бытовой и переходит в область сакрального:

«И вот у одной женщины брата забирают на мобилизацию, у него дети есть там, и она ко мне обращается, говорит, как я могу получить вот молитвы какие-то от муллы, как вы можете мне помочь вот найти адрес муллы, вы не можете мне помочь с тем, что вот молиться, как записать, может, вы сами можете мне помочь, вот, я говорю, я знаю муллу, который у нас в Тобольске есть, я могу, говорю, вот обратиться к нему, чтобы он, может быть, какую-то молитву написал для вашего брата. Я говорю, а вы себя, как, вы разве не православная? Она говорит: “Я православная”. Но мы, говорит, там тоже получили там какие-то там ну молитвы, в каком виде они получили – не знаю, но мы хотим и чтоб нам мусульмане тоже помогли, вот именно ислам, мы хотим, как эта молитва у вас звучит. И, обращаясь ко мне, она не то что ко мне как к ученому обращается, а просто вместе росли в одной деревне, а что вы, может, посоветуете, какие традиции есть, как я могу к мулле обращаться. И я вот я ей советы дала. Она приехала к мулле, мулла ей каким-то образом помог, и молитву ей прочитал, и советы там дал. Она мне писала, что вот я там немножко подзабыла, он ей помог. Ну и я, в свою очередь, тоже, получается, что, как сказать, связующим звеном была, ну и от себя тоже помогла» (51 год, татарка, эксперт, Тобольск).

В крайнем варианте подобное взаимодействие православных христиан и мусульман приводит к смене конфессиональной принадлежности. В каждом конкретном случае причины «перехода» могут быть самыми разными. Но в большинстве своем религию своих родителей и предков меняют на новую представители номинальных христиан и мусульман, которые до перехода мало были вовлечены в свою религиозную жизнь. Кроме того, зачастую такие переходы происходят уже в зрелом возрасте, причем номинальные христиане, переходящие или, вернее, принимающие ислам, – в основном мужчины. Нередко подобные переходы вызывают негативные эмоции у родственников и знакомых неопитов:

«Но, знаете, как, у нас два. Вот эти русские, один вообще украинец. Три. Четвертый вот сам ушел (из христианства. – А.И.). Я его просто поднаправил. Это люди, они вообще, во-первых, они непростые люди. Один – начальник, второй – начальник караула. Это не просто люди, они просто так не примут (ислам. – А.И.). Это информация, это люди, у которых вся жизнь – это мыслительный процесс, потому что это руководитель, понимаете. Отнеслись, да, кто-то настороженно, кто-то обзывался. Да, мы больше за милосердие, за понимание, за терпение. Иногда человек, как называют его в современном мире, неопит. Это когда с другой этнической культуры принял в ислам. Неопит показывал, когда он еще лучше стал, после того как принял ислам. Люди же, родственники все это видят, что он изменился, что он не употребляет запретных напитков, что он не употребляет слова,

которые он раньше употреблял, что у него поведение изменилось. Человеку можно все что угодно наговорить, но когда ты видишь его поведение, изменения в нем, что он лучше стал. Потом говоришь, да, для тебя это хорошо, на самом деле лучше. *Кто-то принимает, кто-то не принимает*, но это подкупает же, когда человек к телу относится правильно, когда он реагирует на критику правильно, когда он, как минимум он не навредит, а еще столько пользы принесет» (41 год, татарин, имам, Тобольск).

«Знаете, мне вот один мусульманин рассказывал: “Брат, ты знаешь, сколько здесь бывших христиан сидят, приняли мусульманство”. Мне тоже они говорили. Спрашиваю, как вы их принимаете. “Тоже беседуем, все такое. Но большей частью христиане не знают о своей вере ничего”. Если Вы мне этот вопрос зададите, я скажу, почему так происходит. Скажу Вам честно, со стороны христиан, во всяком случае бывают, христианин свою веру не изучил. Очень часто бывает так, что христиане ничего не знают о своей вере. Потом принимают мусульманство, как бы такие случаи бывали. Я отговаривал, слава Богу, и смог отговорить. Просто хотел какой-то имидж. Допустим: борода, усы сбривать, спорт – вот такие вот. Я считаю, что ради этого так принимать веру не стоит. Человек должен изучить веру, если человек решил, его уже никак не остановишь. Сами знаете, да? Если человек что-то решил, он все равно это сделает. Поэтому просто каждый человек индивидуален, но *такие случаи бывают*» (35 лет, русский, православный священник, Москва).

«И человек узнает, изучает, принимает решение. Вот у меня такие друзья есть, которые стали мусульманами. Вот один есть <...> вот, конкретный человек. Женился на татарке, <...>, у них родились два сына общих. Ну вот... Разве это нелюбовь к исламу? Человек он там, бизнесмен, практикующий мусульманин, жена у него там такая...» (47 лет, татарин, имам, Тюмень).

Среди угроз для отношений респонденты называли межэтнические конфликты, манипулирование религиозными чувствами различными политическими силами, в то числе зарубежными, иммиграцию мусульман из других регионов:

«<...> А определенного круга людей, которые нацелены на радикализацию и на использование этих присутствующих моментов в разных религиях, чтобы превратить это в инструмент, да, соответствующего такого разжигания, потому что все эти, как мы знаем и Майданы, и революции оранжевые и так далее – все это звенья одной цепи, они не спонтанные проявления, скажем, такой демократии или волеизъявления народа там, это соответствующие проплаченные акции, которые *определенные, известные силы таким образом дестабилизируют обстановку в мире*, и такой управляемый хаос – он гораздо более важен и нужен экономическим элитам, чтобы решать свои проблемы, вот, я думаю, это одна из главных причин» (42 года, русский, иеромонах, Москва).

«Возможно, это проблема (христианско-мусульманского взаимодействия. – А.И.) возникнет в лице

наших братьев мигрантов, потому что разные ментальности. Мы здесь уже как бы при рождении понимаем, что это многонациональное государство, ну и в остальном как бы православная страна, она всегда такой была, ну вторая по численности как бы религия – это ислам, и татары как бы вторые, сами знаете, по численности, это понятно. *А вот за последние 30 лет система образования и идеологии она в странах вообще бывшего Советского Союза совершенно была другой, и она более такая националистическая, потому что для того, чтобы удержат власть, чтобы говорить о том, что мы вот такие правильные, что вот у нас все должно быть нормально, нужно было вот легенды, мифы там свои, герои свои, истории, это уже не та история, которая была в рамках Советского Союза*. И воспитанные на этих дрожжах молодые люди сегодня приехали сюда, их очень много <...> *Если татары там, кавказцы, если мы были как-то адаптированы в эту действительность нашу, то нам нужно проводить очень большую работу со странами СНГ*, а она пока не ведется, к сожалению, потому что та сторона тоже не готова, вот как она не готова и даже *по своим мигрантам обучать их русскому языку, хотя это же им же надо, чтоб их ребята здесь могли бы нормально изъясняться*» (46 лет, татарин, имам, Москва).

Важным индикатором качества межконфессиональных отношений является отношение к смешанным по религиозному признаку бракам. Большинство респондентов видит в межконфессиональных браках проблему, испытание, в первую очередь для супругов, их детей, родственников, которые неизбежно возникают при обсуждении таких вопросов, как совершение обрядов религиозной инициации (крещение, имянаречение), таинства брака (венчание, никах), похорон и поминок. Ряд интервьюируемых, относясь к межконфессиональным бракам положительно, не отрицают возможных конфликтных ситуаций в таких семьях в будущем:

«*Очень положительно отношусь при одном условии: если, допустим, возьмем, я как христианин буду говорить со стороны христианства, если мусульманин или мусульманка дает обещание перед браком, что он не будет препятствовать мужу или жене верить своему Богу*. Если мусульманин говорит, что вот я люблю эту девушку, хочу жениться, но после того, как мы распишемся, я запрещаю ей ходить в храм, я запрещаю детей крестить, тогда мы не благословляем такой брак <...> *Я отношусь положительно, если соблюдены все вот эти правила, каноны. Если этого нет, то, конечно, это будет ад и кошмар*» (35 лет, русский, православный священник, Москва).

В Тюменской области ситуация с отношением к бракам более сложная и противоречивая и во многом определяется не столько конфессиональной принадлежностью, сколько разницей восприятия традиции сельскими и городскими жителями, особенно сибирскими татарами:

«Здесь как-то очень по-разному, есть люди, которые... вот им достаточно все равно, вот человек вышел замуж или женился, но есть прям те, кто только за татар, я не знаю, как это в процентном соотношении,

но если даже как бы выйдет там дочь за русского, там какой-то конфронтации не будет, потому что местные все равно знают, что русские и татары всегда вместе жили, они не будут на 100% довольны, но где-то покажут, где-то не покажут своего отношения неодобрительного, вот есть прям те, которые строго, вот так вот есть татары, которые ни языка не знают, ни обычаев, вообще полностью и вообще пофигу молодежи этой, понятно дело, так индифферентно все. *Те, кто там из деревень, даже из пришедших из деревень в города, те строго, хотят только на своих, татарах жениться*» (45 лет, татарин, верующий мусульманин, Тюмень).

«Да, сейчас стали больше принимать (межконфессиональные браки. – А.И.) *В деревнях все-таки таких, если они там остаются, там вообще нету (межконфессиональных браков. – А.И.), наши деревни в основном мононациональные, а вот если уезжают оттуда, они могут жениться, но они в итоге остаются в городе, но тоже их не так уж и много, таких случаев*» (51 год, татарка, эксперт, Тобольск).

Достаточно терпимо настроены к таким бракам в Тюменской области и представители мусульманского духовенства:

«Ну мы, христиане и мусульмане. *Вторую мировую войну, пережились, это тоже нормально, коммунизм повлиял очень сильно. Сейчас это исправить? А какой смысл – это исправлять? Мы просто плывем по течению. Слава Богу, что у нас церкви, есть мечети. Есть халяль. Есть Коран <...> Даже если мусульманин любил христианку. Проблем никаких, у меня были знакомые, я им даже сам читал никах. Я вообще проблем в этом не вижу, понимаете. Но, конечно, это, как сказать, если бы это было лет 50 назад. Я бы сказал, что он потеряет язык. Потому что ребенок с матерью. То сейчас у нас татары с русскими. У них с татарским проблема, с исламом проблема, со всем проблема. Если он хочет, пожалуйста. Мы же не можем ему запретить, кто ему запретит. Если он захотел жениться, он женится. В исламе же это прописано, прописано*» (41 год, татарин, имам, Тобольск).

Иными словами, внешняя толерантная установка по отношению к представителям иной религии тем не менее не исключает ситуаций (межконфессиональных браков), в рамках которых оценка другой конфессии становится более сложной. Подобный ситуационный характер религиозного фактора межконфессиональных отношений чрезвычайно важно учитывать при проектировании рисков возникновения межрелигиозной неприязни.

Заключение

Таким образом, исследование показало отсутствие ярко выраженных конфликтов на религиозной почве между опрошенными представителями православия и мусульманства в Москве и Тюменской области. Выявленные нами случаи недопонимания и конфликтов между православными и мусульманами почти всегда лишены очевидной религиозной причины, и их нельзя назвать в строгом смысле межконфессиональными. Иногда они возникали на почве строительства или

восстановления мечетей, ношения хиджаба в школе, неприятия отдельных элементов обряда. Нередко, особенно в Тюменской области, эти конфликты исключительно межнациональные (запрет на разговор на сибирско-татарском языке в общественном транспорте), однако в силу тесной связи этнического и конфессионального самосознания татар могут быть восприняты как межконфессиональные, что важно учитывать региональными органами власти в конфессиональной политике.

Некоторыми респондентами, особенно мусульманским духовенством, подчеркивались сходство и даже общность нравственной составляющей вероучений обеих религий, другими, по большей части православными священнослужителями, оговаривались границы диалога, необоснованность богословских дискуссий, нормальность повседневной обособленности религиозных групп. Мусульманские религиозные деятели смотрят на возможность богословского диалога чуть шире и возлагают на него определенные надежды, в то время как среди православных священников такого единства нет и, скорее, преобладает точка зрения, что такой диалог несвоевременен и даже опасен. Большинство проинтервьюированных православных священников также выражали несогласие с точкой зрения отдельных священнослужителей в том, что православие в России ближе российский ислам, чем западные церкви (католичество и протестантизм), но допускали, что у подобного мнения могут быть свои основания: общность истории, сходный менталитет, близкое понимание важности традиционных ценностей. И если в Тюменской области, как уже было сказано выше, причины напряженностей лежат (а точнее – лежали) по большей части в плоскости отношений между русскими и сибирскими татарами как крупнейшей мусульманской группой региона, то в Москве они вызваны в первую очередь проблемами интеграции мигрантов из Средней Азии и отчасти с Северного Кавказа.

Кроме того, исследование выявило, что инициатива по межконфессиональному взаимодействию исходит не только от властных структур, но и от самих верующих. Представители мусульманского духовенства и православные священники встречаются в том числе на мероприятиях, организованных местной епархией и исламскими религиозными организациями. Мусульмане и православные, как практикующие, так и номинальные, поздравляют друг друга с праздниками, причем возрастает удельный вес дистанционных поздравлений такого рода, в первую очередь в социальных сетях. В крайнем варианте взаимодействие православных христиан и мусульман приводит к смене конфессиональной принадлежности. В каждом конкретном случае причины перехода могут быть различными. Но в большинстве своем религию своих родителей и предков меняют на новую представители номинальных христиан и мусульман, которые до перехода мало были вовлечены в религиозную жизнь. Кроме того, зачастую такие переходы происходят уже в зрелом возрасте, причем номинальные христиане, принимающие ислам, – в основном мужчины.

Достаточно терпеливо настроены опрошенные и к межконфессиональным бракам. Воспринимая их

в целом как проблему и даже отрицательное явление, религиозные деятели и тем более рядовые верующие не были склонны ограничиваться одной лишь их критикой. По мнению опрошенных, мусульмане и православные христиане могли бы сотрудничать при решении таких общих проблем, как нравственное воспитание молодежи, благотворительность (чаще всего приводились примеры с ситуацией во время пандемии, а также помощь мобилизованным – участникам Специальной военной операции на Украине), популяризация семейных традиционных ценностей, межконфессиональный диалог, борьба с терроризмом и экстремиз-

мом. Среди дестабилизирующих отношения факторов респонденты, как правило, обозначали межэтнические конфликты, манипулирование религиозными чувствами, радикальных представителей обеих конфессий, иммиграцию мусульман из других регионов. С другой стороны, сближение мусульман и православных христиан в рамках межконфессионального диалога, а также вокруг фундаментальных духовных ценностей даже в поликультурном регионе имеет очевидные пределы, носит в ряде случаев ситуативный характер, что связано со спецификой учений и традиций обеих религий.

Список источников

1. Халиль М.А. Религиозная ситуация в России. Социологический анализ христианско-мусульманского взаимодействия // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. Философия. 2009. № 2. С. 94–108.
2. Буттаева А. Ислам в поликонфессиональном пространстве современного Дагестана // Центральная Азия и Кавказ. 2012. Т. 15, вып. 1. С. 79–92.
3. Шарипов А.Р. Конфессиональный и национальный факторы в процессе глобализации // Регионоведение. 2011. № 2 (75). С. 216–224.
4. Мишучков А.А. Традиционные ценности в глобализирующемся мире // Вестник Оренбургского государственного университета. 2015. № 3 (178). С. 65–71.
5. Лункин Р.Н., Филатов С.Б. Межконфессиональные различия в Европе и новые идеологические противостояния // Современная Европа. 2018. № 3. С. 102–114.
6. Штёкль К. Постсекулярные конфликты и глобальная борьба за традиционные ценности // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2016. № 4. С. 222–240.
7. Кочергин В. Рецепция ислама в Русской православной церкви в 1990–2010-х гг. // Схід. 2014. № 3 (129). С. 86–91.
8. Фирсов С.Л. Восприятие и оценка священноначалием Русской православной церкви роли ислама в современной России. К постановке вопроса // *Asiatica: труды по философии и культурам Востока*. 2020. Т. 14, № 2. С. 220–235.
9. Коршунова О.Н., Набиев Р.А. Изучение историко-психологических аспектов религиозного фактора межцивилизационного взаимодействия (опыт организации религиозного образования в Татарстане) // Казанский педагогический журнал. 2012. № 3 (93). С. 171–178.
10. Хохлов А.Х. Из истории диалога Русской православной церкви с шиитским духовенством Ирана: векторы сотрудничества и специфика взаимодействия // Вестник Дагестанского научного центра. 2018. № 71. С. 37–49.
11. Абдулагатов З. Российские православные и мусульмане: общие проблемы – разные взгляды // Общественные науки и современность. 2004. № 2. С. 143–153.
12. Воденко К.В., Лубский А.В., Войтенко В.П. Межрелигиозные взаимодействия в региональных сообществах на юге России как предмет научно-исследовательских практик // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2018. № 4. С. 211–217.
13. Бабатова А.Ш., Ферзалиев Д.С., Асадова З.Н. Христианство и ислам: диалог религиозных культур // Исламоведение. 2012. № 4. С. 109–114.
14. Котин И. Ислам в России и перспективы мусульманско-христианского диалога // Россия и мусульманский мир. 2012. № 8. С. 28–55.
15. Баширов Л.А. Исламо-православный диалог как фактор гармонизации межрелигиозных отношений в России // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2011. Т. 29, № 2. С. 231–244.
16. Садиков Р.Р. Процессы межконфессионального взаимодействия в этнически смешанных селениях Урало-Поволжья: история и современные тенденции развития // Этнографическое обозрение. 2010. № 6. С. 9–22.
17. Данилко Е.С. Татары в этнически смешанных поселениях Урало-Поволжья: особенности межкультурных взаимодействий // Этнографическое обозрение. 2010. № 6. С. 54–65.
18. Жигунова М.А. Религиозный фактор в современном идентификационном пространстве Сибири // Религиозная ситуация в российских регионах : тез. докладов и сообщений Восьмой всерос. науч.-практ. конф. Омск : Омск. акад. МВД РФ, 2022. С. 64–68.
19. Арена : атлас религий и национальностей России // Среда : исследовательская служба. 2012. URL: <https://sreda.org/arena> (дата обращения: 09.01.2023).
20. Идиатуллин А.К. Взаимодействие татар Ульяновской области с иноконфессиональным окружением // Исламоведение. 2014. № 3 (21). С. 45–51.

References

1. Khalil, M.A. (2009) Religioznaya situatsiya v Rossii. Sotsiologicheskii analiz khristiansko-musul'manskogo vzaimodeystviya [The Religious Situation in Russia. A Sociological Analysis of Christian-Muslim Interaction]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Filosofiya*. 2. pp. 94–108.
2. Buttaeva, A. (2012) Islam v polikonfessional'nom prostranstve sovremennogo Dagestana [Islam in the Polyconfessional Space of Modern Dagestan]. *Tsentr'al'naya Aziya i Kavkaz*. 15(1). pp. 79–92.
3. Sharipov, A.R. (2011) Konfessional'nyy i natsional'nyy faktory v protsesse globalizatsii [Confessional and National Factors in the Process of Globalization]. *Regionologiya*. 2(75). pp. 216–224.
4. Mishuchkov, A.A. (2015) Traditsionnye tsennosti v globaliziruyushchemu mire [Traditional Values in a Globalizing World]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta*. 3(178). pp. 65–71.
5. Lunkin, R.N. & Filatov, S.B. (2018) Mezkhkonfessional'nye razlichiya v Yevrope i novye ideologicheskie protivostoyaniya [Interconfessional Differences in Europe and New Ideological Confrontations]. *Sovremennaya Yevropa*. 3. pp. 102–114.
6. Stoekl, C. (2016) Postsekulyarnye konflikty i global'naya bor'ba za traditsionnye tsennosti [Postsecular Conflicts and the Global Struggle for Traditional Values]. *Gosudarstvo, religiya, Tserkov' v Rossii i za rubezhom*. 4. pp. 222–240.
7. Kochergin, V. (2014) Retseptsiya islama v Russkoy pravoslavnoy tserkvi v 1990–2010-kh gg. [The Reception of Islam in the Russian Orthodox Church in the 1990s–2010s]. *Skhid*. 3(129). pp. 86–91.
8. Firsov, S.L. (2020) Vospriyatie i otsenka svyashchennonachal'stvom Russkoy pravoslavnoy tserkvi roli islama v sovremennoy Rossii. K postanovke voprosa [The Perception and Evaluation of the Role of Islam in Modern Russia by the Hierarchy of the Russian Orthodox Church. Towards Posing the Question]. *Asiatica: trudy po filosofii i kul'turam Vostoka*. 14(2). pp. 220–235.

9. Korshunova, O.N. & Nabiev, R.A. (2012) Izuchenie istoriko-psikhologicheskikh aspektov religioznogo faktora mezhdutsivilizatsionnogo vzaimodeystviya (opyt organizatsii religioznogo obrazovaniya v Tatarstane) [Studying the Historical-Psychological Aspects of the Religious Factor in Intercivilizational Interaction (The Experience of Organizing Religious Education in Tatarstan)]. *Kazanskiy pedagogicheskiy zhurnal*. 3(93). pp. 171–178.
10. Khokhlov, A.Kh. (2018) Iz istorii dialoga Russkoy pravoslavnoy tserkvi s shiitskim dukhovenstvom Irana: vektory sotrudnichestva i spetsifika vzaimodeystviya [From the History of the Dialogue Between the Russian Orthodox Church and the Shia Clergy of Iran: Vectors of Cooperation and Specifics of Interaction]. *Vestnik Dagestanskogo nauchnogo tsentra*. 71. pp. 37–49.
11. Abdulgatov, Z. (2004) Rossiyskie pravoslavnye i musul'mane: obshchie problemy – raznye vzglyady [Russian Orthodox Christians and Muslims: Common Problems – Different Views]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. 2. pp. 143–153.
12. Vodenko, K.V., Lubskiy, A.V. & Voytenko, V.P. (2018) Mezhreligioznye vzaimodeystviya v regional'nykh soobshchestvakh na yuge Rossii kak predmet nauchno-issledovatel'skikh praktik [Interreligious Interactions in Regional Communities in the South of Russia as a Subject of Research Practices]. *Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski*. 4. pp. 211–217.
13. Babatova, A.Sh., Ferzaliyev, D.S. & Asadova, Z.N. (2012) Khristianstvo i islam: dialog religioznykh kul'tur [Christianity and Islam: Dialogue of Religious Cultures]. *Islamovedenie*. 4. pp. 109–114.
14. Kotin, I. (2012) Islam v Rossii i perspektivy musul'mansko-khristianskogo dialoga [Islam in Russia and Prospects for Muslim-Christian Dialogue]. *Rossiya i musul'manskiy mir*. 8. pp. 28–55.
15. Bashirov, L.A. (2011) Islamo-pravoslavnyy dialog kak faktor garmonizatsii mezhreligioznykh otnosheniy v Rossii [Islamic-Orthodox Dialogue as a Factor for Harmonizing Interreligious Relations in Russia]. *Gosudarstvo, religiya, Tserkov' v Rossii i za rubezhom*. 29(2). pp. 231–244.
16. Sadikov, R.R. (2010) Protsessy mezhkonnatsional'nogo vzaimodeystviya v etnicheski smeshannykh seleniyakh Uralo-Povolzh'ya: istoriya i sovremennyye tendentsii razvitiya [Processes of Interconfessional Interaction in Ethnically Mixed Villages of the Ural-Volga Region: History and Modern Development Trends]. *Etnograficheskoe obozrenie*. 6. pp. 9–22.
17. Danilko, E.S. (2010) Tatory v etnicheski smeshannykh poseleniyakh Uralo-Povolzh'ya: osobennosti mezhkul'turnykh vzaimodeystviy [Tatars in Ethnically Mixed Settlements of the Ural-Volga Region: Features of Intercultural Interactions]. *Etnograficheskoe obozrenie*. 6. pp. 54–65.
18. Zhigunova, M.A. (2022) Religioznyy faktor v sovremennom identifikatsionnom prostranstve Sibiri [The Religious Factor in the Modern Identification Space of Siberia]. *Religioznaya situatsiya v rossiyskikh regionakh* [The Religious Situation in Russian Regions]. Abstracts of Reports and Presentations of the Eighth All-Russian Conference. Omsk: Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. pp. 64–68.
19. Sreda.org. (2012) *Arena: atlas religiy i natsional'nostey Rossii* [Arena: Atlas of Religions and Nationalities of Russia]. [Online] Available from: <https://sreda.org/arena> (Accessed: 9th January 2023).
20. Idiatullov, A.K. (2014) Vzaimodeystvie tatar Ulyanovskoy oblasti s inokonnatsional'nym okruzeniem [Interaction of Tatars in the Ulyanovsk Region with a Confessionally Different Environment]. *Islamovedenie*. 3(21). pp. 45–51.

Сведения об авторе:

Идиатуллов Азат Корбангалиевич – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры географии и экологии естественно-географического факультета Ульяновского государственного педагогического университета им. И.Н. Ульянова (Ульяновск, Россия). E-mail: AzKoIdiat@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Idiatullov Azat K. – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Geography and Ecology, Faculty of Natural Geography, Ulyanovsk State University of Education (Ulyanovsk, Russian Federation). E-mail: AzKoIdiat@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 12.01.2023; принята к публикации 15.11.2025

The article was submitted 12.01.2023; accepted for publication 15.11.2025